

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 2. М.: Худ. литература, 1971. С. 428 - 433.

Игра окончилась. Барон фон Оксенбах (или что-то в этом роде: фамилии его никто наверное не знал, но многие уверяли, что он передергивает) общипал всю компанию дочиста. Когда кто-то стал просить его прометать еще одну талию на запись, этот длинный, худой немец, с белыми ресницами и водянистыми глазами, ответил, улыбаясь своей улыбкой скелета и стуча костяшкой среднего пальца по столу: "Денежки на стол, господа... на стол денежки..." Надо сказать, что такая бесцеремонная предусмотрительность была совершенно в духе того места, где велась игра, то есть отчаянно картежного вертепа, скрывавшегося под фирмой приличного, почти патриархального дома.

Было часов около восьми зимнего утра, и при его сером свете желтые огни оплывших свечей горели как на дневной панихиде. Отворенные форточки окон не давали тяги, а табачный дым, пропитавший всю залу своим едким запахом, висел в воздухе голубовато-прозрачными неподвижными пеленами. Все говорило о бессонной, беспорядочной ночи: раскрытые ломберные столы, сплошь исчерченные мелом и закапанные вином, пол, усеянный окурками и перегнутыми, разорванными, скомканными картами, опрокинутые стулья, утомленные фигуры лакеев, заспанные лица которых были бледны до того, что приняли зеленовато-влажный, мертвенный оттенок.

Двое игроков еще оставались в зале. Увлеченные до сих пор азартом, они только теперь почувствовали, что сильно проголодались, и, стоя у подоконника, наскоро закусывали холодной телятиной, запивая ее большими глотками красного вина. В этом доме каждый постоянный посетитель чувствовал себя в то же время полновластным хозяином, потому что здесь и обстановка, и буфет, и прислуга содержались исключительно на средства, получаемые от продажи карт.

-- Однако вам сегодня чертовски не везло, Влас Ильич,-- сказал один из них, толстый, выхоленный и веселый брюнет.

Он недавно только начал постигать сокровенные таинства баккара, макао и фараона и сильно волновался во время игры. Другой, наоборот, одинаково хладно-кровно встречал удачу и неудачу. Когда он метал, то, глядя на его спокойное, скушающее, преждевременно старческое лицо, всегда казалось, что он играет только из снисхождения к усиленной просьбе партнеров. Между тем в душе он был самым страстным игроком, и молодежь зеленого поля, удивляясь ему, в то же время охотно признавала его авторитет в спорных вопросах. Первого звали Григорием Михайловичем Жедринским, а в товарищеском кругу просто -- Гри-Гри. Фамилия второго была Миллер.

В ответ на замечание собеседника Миллер лениво зевнул. Минуты две спустя он сказал:

-- Да. Не особенно. Этому немцу такое дурацкое счастье валит, что никаким умением не поможешь...

-- Уменьем? -- живо переспросил Гри-Гри.-- Неужели вы, Влас Ильич, серьезно верите в это уменье?... Я давно уже слышу о каком-то знании игры, о выдержке, об умении ставить вовремя большие и маленькие куши... Но, признаться, я во все это плохо верю... Даже -- простите мою смелость -- меня смешит, когда об этом говорят такие опытные игроки, как вы...

Миллер улыбнулся.

-- Молодости свойственны легкомысленные суждения, Гри-Гри. Это изрек еще какой-то очень древний философ. Но не беспокойтесь, вы когда-нибудь, лет этак через десять, сами на практике удостоверитесь, что у карт есть свои особые законы, привычки и симпатии, к которым нужно зорко присматриваться. Откуда это? -- я не знаю. Может быть, карта складывается так или этак в зависимости от индивидуальной тасовки каждого из партнеров? Понаблюдайте хорошенько, и вы убедитесь, что игра одного вечера совершенно не похожа на предыдущую: сегодня выигрывает только банкومت, завтра наоборот -- понтирующие; сегодня бьются большею частью фоски и черные масти, завтра -- фигуры и красные; вчера банкومت бил каждые ваши две карты, а третью давал, нынче же он бьет четыре, а дает пятую. Сумейте поймать характер, настоящий характер игры и пользуйтесь им. Вот вам и все уменье. Впрочем...

Миллер замолчал.

-- Что впрочем? Что такое? -- заинтересовался Жедринский.

-- Дело в том, что бывают изредка такие случаи, которые разбивают вдребезги всю эту научно-азартную теорию... Необъяснимые, ужасные случаи... Представьте себе, у меня выпала однажды такая